

ЕВРАЗІЙСТВО ¹⁾

1

Евразійцы — это представители новаго начала въ мышленіи и жизни, это — группа дѣятелей, работающихъ на основѣ новаго отношенія къ кореннымъ, опредѣляющимъ жизнь вопросамъ, отношенія, вытекающаго изъ всего, что пережито за послѣднее десятилѣтіе, надъ радикальнымъ преобразованиемъ господствовавшихъ доселѣ міровоззрѣнія и жизненнаго строя. Въ то же время евразійцы даютъ новое географическое и историческое пониманіе Россіи и всего того міра, который они именуютъ российскимъ или „евразійскимъ“.

Имя ихъ — „географическаго“ происхожденія. Дѣло въ томъ, что въ основномъ массивѣ земель стараго свѣта, гдѣ прежняя географія различала два материка: „Европу“ и „Азію“ — они стали различать третій — срединный материкъ — „Евразію“, — и отъ послѣдняго обозначенія получили свое имя...

По мнѣнію евразійцевъ, въ чисто-географическомъ смыслѣ — понятіе „Европы“, какъ совокупности Европы, западной и восточной, бессодержательно и нелѣпо. На Западѣ — въ смыслѣ географическихъ очертаній — богатѣйшее развитіе бережій, истонченіе континента въ полуострова, острова; на востокъ — сплошной материковый массивъ, имѣющій только разъединенныя касанья къ морскимъ побережьямъ;

---

¹⁾ Предежащая статья написана по просьбѣ иностранныхъ друзей евразійства, для общаго ознакомленія съ послѣднимъ. Помѣщеніемъ ея въ настоящей книжкѣ „Евразійскаго Временника“ устанавливается связь этой книжки съ предшествовавшими изданіями евразійцевъ.

орографически — на западѣ сложнѣйшее сочетаніе горъ, холмовъ, низинъ; на востокѣ — огромная равнина, только на окраинахъ окаймленная горами; климатически — на западѣ приморскій климатъ, съ относительно небольшимъ различіемъ между зимой и лѣтомъ; на востокѣ это различіе выражено рѣзко: жаркое лѣто, суровая зима; и т. д., и т. д. Можно сказать по праву: восточно-европейская, „бѣломорско-кавказская“, какъ называютъ ее евразійцы, равнина, по географической природѣ, гораздо ближе къ равнинамъ западно-сибирской и туркестанской, лежащимъ къ востоку отъ нея, нежели къ западной Европѣ. Названныя три равнины, вмѣстѣ съ возвышенностями, отдѣляющими ихъ другъ отъ друга (Уральскія горы и такъ называемый „Арал-Иртышскій“ водораздѣлъ) и окаймляющими ихъ съ востока, юго-востока и юга (горы русскаго Дальняго Востока, Восточной Сибири, Средней Азіи, Персіи, Кавказа, Малой Азіи) представляютъ собой особый міръ, единый въ себѣ и географически отличный какъ отъ странъ, лежащихъ къ западу, такъ и отъ странъ, лежащихъ къ юго-востоку и югу отъ него. И если къ первымъ приурочить имя „Европы“, а ко вторымъ — имя „Азіи“, то названному только что міру, какъ среднему и посредствующему — будетъ приличествовать имя „Евразіи“...

Необходимость различать въ основномъ массивѣ земель стараго свѣта не два, какъ дѣлалось доселѣ, но три материка — не есть какое-либо „открытіе“ евразійцевъ; оно вытекаетъ изъ взглядовъ ранѣе высказывавшихся географами, въ особенности русскими (напр., проф. В. И. Ламанскимъ въ работѣ 1892 г.). Евразійцы обострили формулировку; и вновь „видѣнному“ матеріку нарекли имя, ранѣе прилагавшееся иногда ко всему основному массиву земель стараго свѣта, къ старымъ „Европѣ“ и „Азіи“, въ ихъ совокупности.

Россія занимаетъ основное пространство земель „Евразіи“. — Тотъ выводъ, что земли ея не распадаются между двумя материками, но составляютъ скорѣе нѣкоторый третій и самостоятельный материкъ — имѣетъ не только географическое значеніе. Поскольку мы приписываемъ понятіямъ „Европы“ и „Азіи“ также нѣкоторое культурно-историческое содержаніе, мыслимъ, какъ нѣчто конкретное кругъ „европейскихъ“ и „азиатско-азійскихъ“ культуръ, обозначеніе „Евразіи“ приобретаетъ значеніе сжатой культурно-исторической характери-

стики¹⁾). Обозначеніе это указываетъ, что въ культурное бытіе Россіи, въ соизмѣримыхъ между собою доляхъ, вошли элементы различнѣйшихъ культуръ. Вліянія Юга, Востока и Запада, перемежаясь, послѣдовательно главенствовали въ мірѣ русской культуры. Югъ, въ этихъ процессахъ, явленъ по преимуществу въ образѣ византійской культуры; ея вліяніе на Россію было длительнымъ и основоположнымъ; какъ на эпоху особой напряженности этого вліянія можно указать на періодъ примѣрно съ X-го по XIII-ый вѣкъ. Востокъ, въ данномъ случаѣ, выступаетъ, главнымъ образомъ, въ обликъ „степной“ цивилизаціи, обычно разсматриваемой въ качествѣ одной изъ характерно „азиатскихъ“ („азійскихъ“, въ указанномъ выше смыслѣ). Примѣръ монголо-татарской государственности (Чингизхана и его преемниковъ), сумѣвшей овладѣть и управиться на опредѣленный историческій срокъ огромной частью стараго свѣта, несомнѣнно сыграла большую и положительную роль въ созданіи великой государственности русской. Широко вліялъ на Россію и бытовой укладъ степного Востока. Это вліяніе было въ особенности сильно съ XIII-го по XV-ый вѣкъ. Съ конца этого послѣдняго столѣтія пошло на прибыль

---

1) Отъ имени „Азія“ какъ въ русскомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ романогерманскихъ языкахъ произведено два прилагательныхъ: „азійскій“ и „азиатскій“. Первое, въ историческомъ его значеніи, относится, по преимуществу, къ той, обнимавшей западную часть нынѣшней Малой Азіи римской провинціи, а затѣмъ діоцезу, отъ которыхъ получилъ впослѣдствіи свое имя основной материкъ стараго свѣта. Въ первоначальномъ, болѣе узкомъ смыслѣ, термины „Асія“, „асійскій“, „асійцы“ употреблены, напр., въ „Дѣяніяхъ Апостоловъ“ (главы 19 и 20-ая). — Прилагательное „азиатскій“ имѣетъ касательство ко всему матеріку. — Корневой основой словъ „Евразія“, „евразійскій“, „евразійцы“ служитъ первое, болѣе древнее обозначеніе; однако, не потому, чтобы „азійство“, въ этомъ случаѣ, возводилось исключительно къ римскимъ провинціи и діоцезу; наоборотъ, евразійцы обращаются, въ данномъ случаѣ, къ гораздо болѣе широкому историческому и географическому міру. Но слово „азиатскій“, въ силу ряда недоразумѣній, пріобрѣло въ устахъ европейцевъ огульно-одіозный оттѣнокъ. Снять эту, свидѣтельствующую только о невѣжествѣ, печать одіозности можно путемъ обращенія къ болѣе древнему имени, что и осуществлено въ обозначеніи „евразійства“. „Азійскимъ“, въ этомъ обозначеніи именуется культурный кругъ не только Малой, но и „большой“ Азіи... Въ частности же ту культуру, которая обитала въ „Асіи“ времени апостольскихъ и послѣдующихъ вѣковъ (культуру эллинистическую и византійскую) евразійцы оцѣниваютъ высоко и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ именно въ ней ищутъ прообразовъ для современнаго духовнаго и культурнаго творчества. Объ этомъ см. ниже.

вліяніє європейської культури; и достигло максимума, начиная съ XVIII-го вѣка... Въ категоріяхъ, не всегда достаточно тонкаго, однако же, указывающаго на реальную сущность подраздѣленія культуръ стараго свѣта на „европейскія“ и „азиатско-азійскія“ — культура русская не принадлежитъ къ числу ни однѣхъ, ни другихъ. Она есть культура, сочетающая элементы однѣхъ и другихъ, сводящая ихъ къ нѣкоторому единству. И потому, съ точки зрѣнія указаннаго подраздѣленія культуръ, — квалифікація русской культуры, какъ „евразійской“ — болѣе выражаетъ сущность явленія, чѣмъ какая-либо иная... Изъ культуръ прошлаго подлинно „евразійскими“ были двѣ изъ числа величайшихъ и многостороннѣйшихъ извѣстныхъ намъ культуръ, а именно культура эллинистическая, сочетавшая въ себѣ элементы эллинскаго „Запада“ и древняго „Востока“, и продолжавшая ее культура византійская, въ смыслѣ широкаго восточно-средиземноморскаго культурнаго міра поздней античности и средневѣковья (области процвѣтанія обѣихъ лежатъ точно къ югу отъ основнаго историческаго ядра русскихъ областей). Въ высокой мѣрѣ примѣчательна историческая связь, сопрягающая культуру русскую съ культурой византійской. Третья великая „евразійская“ культура вышла въ опредѣленной мѣрѣ изъ историческаго преемства двухъ предшествующихъ...

„Евразійская“, въ географически - пространственныхъ даннахъ своего существованія, русская культурная среда получила основы и какъ бы крѣпящій скелетъ исторической культуры отъ другой „евразійской“ культуры. Происшедшимъ же, вслѣдъ за тѣмъ, послѣдовательнымъ напластованьемъ на русской почвѣ культурныхъ слоевъ азиатско-азійскаго (вліянія Востока!) и европейскаго (вліяніе Запада!) „евразійское“ качество русской культуры было усилено и утверждено...

Опредѣляя русскую культуру, какъ „евразійскую“ — евразійцы выступаютъ, какъ осознатели русскаго культурнаго своеобразія. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ еще больше предшественниковъ, чѣмъ въ своихъ чисто-географическихъ опредѣленіяхъ. Таковыми, въ данномъ случаѣ, нужно признать всѣхъ мыслителей славянофильскаго направленія, въ т. числѣ Гоголя и Достоевскаго (какъ философовъ-публицистовъ). — Евразійцы, въ цѣломъ рядѣ идей, являются продолжателями мощной традиціи русскаго философ-

скаго и исторіософскаго мышленія. Ближайшимъ образомъ эта традиція восходитъ къ 30—40-мъ годамъ XIX-го вѣка, когда начали свою дѣятельность славянофилы¹⁾. Въ болѣе широкомъ смыслѣ, къ этой же традиціи долженъ быть причисленъ рядъ произведеній старо-русской письменности, наиболѣе древніе изъ которыхъ относятся къ концу XV и началу XVI вѣка. Когда паденіе Царьграда (1453 г.) обострило въ русскихъ сознаніе ихъ роли, какъ защитниковъ Православія и продолжателей византійскаго культурнаго преемства, въ Россіи родились идеи, которыя въ нѣкоторомъ смыслѣ могутъ почитаться предшественницами славянофильскихъ и евразійскихъ. Такіе „пролагатели путей“ евразійства, какъ Гоголь или Достоевскій, но также иныя славянофилы и примыкающіе къ нимъ, какъ Хомяковъ, Леонтьевъ и др. — подавляютъ нынѣшнихъ „евразійцевъ“ масштабами историческихъ своихъ фигуръ. Но это не устраняетъ обстоятельства, что у нихъ и евразійцевъ въ рядѣ вопросовъ мысли тѣ же, и что формулировка этихъ мыслей у евразійцевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ точнѣе, чѣмъ была у ихъ великихъ предшественниковъ. — Поскольку славянофилы упирали на „славянство“, какъ на то начало, которымъ опредѣляется культурно-историческое своеобразіе Россіи — они явно брались защищать трудно защитимыя позиціи. Между отдѣльными славянскими народами безусловно есть культурно-историческая и болѣе всего языковая связь. Но какъ начало культурнаго своеобразія, понятіе славянства — во

¹⁾ Съ точки зрѣнія причастности къ основнымъ исторіософскимъ концепціямъ „Евразійство“, конечно, лежитъ въ общей со славянофилами сферѣ. Однако, проблема взаимоотношенія обоихъ теченій не можетъ быть сведена къ простому преемству. Перспективы, раскрывающіяся передъ евразійствомъ обусловлены, съ одной стороны, размѣрами совершившейся катастрофы, а съ другой — появленіемъ и проявленіемъ совершенно новыхъ культурно-историческихъ и социальнихъ факторовъ, которые естественно не участвовали въ построеніяхъ славянофильскаго міросозерцанія. Кромѣ того, многое что считалось славянофилами основоположнымъ и непререкаемымъ, за истекшія десятилѣтія частью изжило себя, или же показало свою существенную несостоятельность. Славянофильство въ какомъ то смыслѣ было теченіемъ провинціальнымъ и „домашнимъ“. Нынѣ, въ связи съ раскрывающимся передъ Россіей реальными возможностями стать средоточіемъ новой Европейско-Азіатской (Евразійской) культуры, величайшаго историческаго значенія, — замыслъ и осуществленіе цѣлостнаго творчески-охранительнаго міросозерцанія (каковымъ и считаетъ себя евразійство) должны найти для себя соотвѣтственныя и небывалыя образы и масштабы.

всякомъ случаѣ въ томъ его эмпирическомъ содержаніи, которае успѣло сложиться къ настоящему времени, — даетъ не много.

Творческое выявленіе культурнаго лица болгаръ и сербо-хорватословенцевъ принадлежитъ будущему. Поляки и чехи, въ культурномъ смыслѣ, относятся къ западному „европейскому“ міру, составляя одну изъ культурныхъ областей послѣдняго. Историческое своеобразие Россіи явно не можетъ опредѣляться ни исключительно, ни даже преимущественно ея принадлежностью къ „славянскому міру“. Чувствуя это, славянофилы мысленно обращались къ Византіи. Но подчеркивая значеніе связей Россіи съ Византіей, славянофильство не давало и не могло дать формулы, которая сколько-либо полно и соразмѣрно выразила бы характеръ русской культурно-исторической традиціи и запечатлѣла „одноприродность“ послѣдней съ культурнымъ преемствомъ византійскимъ. „Евразійство“ же, въ опредѣленной степени, то и другое выражаетъ. Формула „евразійства“ учитываетъ невозможность объяснить и опредѣлить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие Россіи преимущественнымъ обращеніемъ къ понятію „славянства“; она указываетъ, какъ на источникъ такого своеобразія — на сочетаніе, въ русской культурѣ, „европейскихъ“ и „азиатско-азійскихъ“ элементовъ. Поскольку формула эта констатируетъ присутствіе въ русской культурѣ этихъ послѣднихъ, она устанавливаетъ связь русской культуры съ широкимъ и творческимъ въ своей исторической роли міромъ культуръ „азиатско-азійскихъ“; и эту связь выставляетъ какъ одну изъ сильныхъ сторонъ русской культуры; и сопоставляетъ Россію съ Византіей, которая въ томъ же смыслѣ и такъ же обладала „евразійскою“ культурой...¹⁾

¹⁾ Послѣднее опредѣленіе можетъ претендовать на значительную историческую точность. Сущность византійской культуры опредѣляется сочетаніемъ многоразличнѣйшихъ элементовъ. Токи религиозныхъ, художественныхъ и др. импульсовъ, шедшихъ съ Востока, изъ Палестины, Сиріи, Арменіи, Персіи, Малой Азіи, а также изъ нѣкоторыхъ частей Африки сопрягались здѣсь съ воспріятіемъ западной государственной и правовой традиціи (бытіе и развитіе въ Византіи римскаго права). Также соприкосновеніе со степными культурами, столь опредѣлительное для образа русской культуры, не прошло въ свое время безслѣдно для Византіи. И многое въ византійскихъ модахъ и нравахъ восходитъ къ заимствованію у степныхъ „варваровъ“, послѣдовательными волнами набѣгавшихъ на границы имперіи...

Таково, въ самомъ краткомъ опредѣленіи, мѣсто „евразійцевъ“, какъ осознателей культурно-историческаго своеобразія Россіи. Но такимъ осознаніемъ не ограничивается содержаніе ихъ ученія. Это осознаніе они обосновываютъ нѣкоторой общей концепціей культуры и дѣлаютъ изъ этой концепціи конкретные выводы для истолкованія нынѣ происходящаго. Сначала мы изложимъ указанную концепцію, затѣмъ перейдемъ къ выводамъ, касающимся современности. И въ одной и въ другой области евразійцы чувствуютъ себя продолжателями идеологическаго дѣла названныхъ выше русскихъ мыслителей (славянофиловъ и примыкающихъ къ нимъ).

Независимо отъ воззрѣній, высказанныхъ въ Германіи (Шпенглеръ) и приблизительно одновременно съ появленіемъ этихъ послѣднихъ, евразійцами былъ выставленъ тезисъ отрицанія „абсолютности“ новѣйшей „европейской“ (т. е. по обычной терминологіи, западно-европейской) культуры, ея качества быть „завершеніемъ“ всего доселѣ протекавшаго процесса культурной эволюціи міра (до самаго послѣдняго времени утвержденіе именно такой „абсолютности“ и такого качества „европейской“ культуры крѣпко держалось, отчасти же держится и сейчасъ въ мозгу „европейцевъ“; это же утвержденіе слѣпо принималось на вѣру высшими кругами общества „европеизованныхъ“ народовъ и, въ частности, большинствомъ русской интеллигенціи). Этому утверженію евразійцы противопоставили признаніе относительности многихъ, и въ особенности идеологическихъ и нравственныхъ достижений и установокъ „европейскаго“ сознанія. Евразійцы отмѣтили, что европеецъ сплошь и рядомъ называетъ „дикимъ“ и „отсталымъ“ не то, что по какимъ-либо объективнымъ признакамъ можетъ быть признано стоящимъ ниже его собственныхъ достижений, но то, что просто не похоже на собственную его „европейца“, манеру видѣть и дѣйствовать. Если можно объективно показать превосходство новѣйшей науки и техники, въ нѣкоторыхъ ея отрасляхъ, надъ всѣми этого рода достижениями, существовавшими на протяженіи обозримой міровой исторіи, — то въ вопросахъ деологіи и нравственности такое доказательство существенно невозможно. Въ свѣтъ внутренняго нравственнаго чувства и свободы философскаго убѣжденія, являющихся, согласно „евразійской“ концепціи, единствен-

ными критеріями оцѣнки въ области идеологической и нравственной, многое новѣйшее западно-европейское можетъ показаться и оказывается не только не выше, но наоборотъ и ниже стоящимъ — въ сравненіи съ соответствующими достижениями опредѣленныхъ „древнихъ“ или „дикихъ“ и „отсталыхъ“ народовъ¹⁾. Евразійская концепція знаменуетъ собою рѣшительный отказъ отъ культурно-историческаго „европоцентризма“; переживаній, но изъ опредѣленныхъ научныхъ и философскихъ предпосылокъ... Одна изъ послѣднихъ есть отрицанье универсалистскаго воспріятія культуры, которое господствуетъ въ новѣйшихъ „европейскихъ“ понятіяхъ... Именно это универсалистское воспріятіе побуждаетъ европейцевъ огульно квалифицировать одни народы, какъ „культурные“, а другіе, какъ „не-культурные“... Слѣдуетъ признать, что въ культурной эволюціи міра мы встрѣчаемся съ „культурными средами“ или „культурами“ — одніе изъ которыхъ достигали большаго, другія — меньшаго. Но точно опредѣлить, чего достигла каждая культурная среда, возможно только при помощи расчлененнаго по отраслямъ разсмотрѣнія культуры. Культурная среда, низко стоящая въ однихъ отрасляхъ культуры, можетъ оказаться, и сплошь и рядомъ оказывается, высоко стоящей въ отрасляхъ другихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что древніе жители острова Пасхи въ Великомъ Океанѣ „отставали“ отъ современныхъ англичанъ по весьма многимъ отраслямъ эмпирическаго знанія и техники; это не помѣшало имъ въ своей скульптурѣ проявить такую мѣру оригинальности и творчества, которая недоступна ваянью современной Англіи. — Московская Русь XVI—XVII в. „отставала“ отъ Западной Европы во множествѣ отраслей; это не воспрепятствовало созданію ею „самоначальной“ эпохи художественнаго строительства, разработкѣ своеобразныхъ и примѣчательныхъ типовъ „башенныхъ“ и „узорчатыхъ“ церквей — заставляющихъ признать, что въ отношеніи художественнаго строительства Московская Русь того времени стояла „выше“ большинства западно-европейскихъ

¹⁾ Это же положеніе приложимо къ области искусства, въ особенности, къ нѣкоторымъ отраслямъ изобразительнаго искусства (художественное зодчество, ваянье, живопись), гдѣ недостаточность новѣйшихъ „европейскихъ“ осуществленій, по сравненію съ достигнутымъ болѣе древними эпохами и другими народами, особенно явственна.

странъ. И то же — относительно отдѣльныхъ „эпохъ“ въ существованіи одной и той же „культурной среды“. Московская Русь XVI — XVII в. породила, какъ сказано, „самоначальную“ эпоху храмового строительства; но ея достиженія въ и к о н о п с и знаменовали явный упадокъ по сравненію съ новгородскими и суздальскими достиженіями XIV — XV вѣковъ... Мы приводили примѣры изъ области изобразительнаго искусства, какъ наиболѣе наглядные. Но если бы также въ области познанія внѣшней природы мы стали различать отрасли, скажемъ, „теоретическаго знанія“ и „живого видѣнія“, то оказалось бы, что „культурная среда“ современной Европы, обнаружившая успѣхи по части „теоретическаго знанія“, означаетъ, въ сравненіи съ многими другими культурами, упадокъ по части „живого видѣнія“: „дикарь“ или темный мужикъ тоньше и точнѣе воспринимаетъ цѣлый рядъ явленій природы, чѣмъ ученѣйшій современный „естествовѣдъ“. — Примѣры можно было бы умножать до бесконечности; скажемъ болѣе: вся совокупность фактовъ культуры является однимъ сплошнымъ примѣромъ того, что только рассматривая культуру расчлененно по отраслямъ, мы можемъ приблизиться къ сколь-либо полному познанію ея эволюціи и характера. Такое рассмотрѣніе имѣетъ дѣло съ тремя основными понятіями: „культурной среды“, „эпохи“ ея существованія и „отрасли“ культуры. Всякое рассмотрѣніе приурочивается къ опредѣленной „культурной средѣ“ и опредѣленной „эпохѣ“. Какъ мы проводимъ границы одной и другой, зависитъ отъ точки зрѣнія и цѣли изслѣдованія. Отъ нихъ же зависитъ характеръ и степень дробности дѣленія „культуры“ на „отрасли“. Важно подчеркнуть принципиальную необходимость дѣленія, устраниющаго не критическое рассмотрѣніе культуры, какъ н е д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о й совокупности... Дифференцированное рассмотрѣніе культуры показываетъ, что нѣтъ народовъ огульно „культурныхъ“ и „не-культурныхъ“. И что разнообразнѣйшіе народы, которыхъ „европейцы“ именуютъ „дикарями“, — въ своихъ навыкахъ, обычаяхъ и знаніяхъ обладаютъ „культурой“, по нѣкоторымъ отраслямъ и съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія стоящей „высоко“...

3

Евразійцы примыкаютъ къ тѣмъ мыслителямъ, которые отрицаютъ существованіе универсальнаго „прогресса“. Это

опредѣляется, между прочимъ, вышеизложенной концепціей „культуры“. — Если линія эволюціи разно пролегаетъ въ разныхъ отрасляхъ, то не можетъ быть и нѣтъ общаго восходящаго движенія, нѣтъ постепеннаго неуклоннаго общаго совершенствованія: та или иная культурная среда и рядъ ихъ, совершенствуясь въ одномъ и съ одной точки зрѣнія — нерѣдко упадаетъ въ другомъ и съ другой точки зрѣнія. Это положеніе приложимо, въ частности, къ „европейской“ культурной средѣ: свое научное и техническое „совершенство“ она купила, съ точки зрѣнія евразійцевъ, идеологическимъ и болѣе всего религиознымъ оскуднѣніемъ. Двусторонность ея достижений явственно выражена въ ея отношеніи къ хозяйству. Въ теченіе долгихъ вѣковъ исторіи стараго свѣта существовало нѣкоторое единое соотношеніе между началомъ идеологически-нравственно-религиознымъ, съ одной стороны, и началомъ экономическимъ, съ другой; точнѣе: существовало нѣкоторое идеологическое подчиненіе второго начала — первому; именно проникнутость религиозно-нравственнымъ моментомъ всего подхода къ экономическимъ вопросамъ позволяеть нѣкоторымъ историкамъ экономическихъ ученій (напр., старому, середины XIX в., нѣмецко-венгерскому историку Каутцу, работы котораго донинѣ не утратили нѣкотораго значенія объединять въ одну группу — въ ихъ отношеніи къ экономическимъ проблемамъ — столь разные памятники, какъ нѣкоторые литературные фрагменты Китая, иранское законодательство „Вендидада“, Моисеево законодательство, произведенія Платона, Ксенофонта, Аристотеля, средневѣковыхъ западныхъ богослововъ. Экономическая философія всѣхъ этихъ памятниковъ есть, въ извѣстномъ смыслѣ, философія „подчиненной экономики“; въ нихъ всѣхъ подчеркивается, какъ нѣчто необходимое и должное, связь удовлетворенія нашихъ экономическихъ потребностей съ общими началами нравственности и религіи. Экономическая философія европейскихъ „новыхъ вѣковъ“ противоположна этимъ воззрѣніямъ. Не всегда прямыми словами, но чаще основанами мировоззрѣнія — новая европейская экономическая философія утверждаетъ и самоцѣльное, заключающее и исчерпывающее самодовлѣющее существованіе... Было бы знакомъ въ себѣ цѣли чловѣческаго существованія... Было бы знакомъ духовной слѣпоты отрицать огромность тѣхъ чисто-познавательныхъ достижений, успѣховъ въ пониманіи и видѣніи эконо-

мических явлений, которые осуществила и накопила новая политическая экономія. Но выступая въ качествѣ эмпирической науки и, дѣйствительно, въ опредѣленной и большой степени являясь таковой, новая политическая экономія, въ цѣломъ рядѣ своихъ положеній, вліяла на умы и эпохи, какъ метафизика... Подобно тому, какъ экономическія идеи древнихъ законодателей, философовъ и богослововъ связаны съ опредѣленными метафизическими представленіями, связаны съ ними и экономическія идеи новѣйшихъ экономистовъ. Но если метафизика первыхъ была философіей „подчиненной экономики“, метафизика вторыхъ является философіей „воинствующаго экономизма“. Этотъ послѣдній есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ — идеологическая цѣна, которую заплатила новая Европа за количественно огромный экономическій подъемъ, который она пережила въ новые вѣка и въ особенности, за послѣднее столѣтіе. Есть нѣчто поучительное въ картинѣ, какъ на исходѣ среднихъ и въ теченіе новыхъ вѣковъ, древняя мудрость нравственнаго завѣта, исконная, сдерживавшая себялюбивые инстинкты человѣка словомъ увѣщаній и обличенія, философія „подчиненной экономики“ рушится подъ напоромъ новыхъ идей новаго времени, самонадѣянно утверждающей себя теоріи и практики „воинствующаго экономизма“¹⁾.

Историческій матеріализмъ есть наиболѣе законченное и рѣзкое выраженіе послѣдняго. Отнюдь не случайна наблюдающаяся въ эмпирически-идеологической дѣйствительности связь философіи „подчиненной экономики“, съ одной стороны, и „воинствующаго экономизма“, съ другой — съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ вопросамъ религіи. Если философія „подчиненной экономіи“ всегда являлась и является придаткомъ къ тому или иному теистическому міровоззрѣнію, то историческій матеріализмъ идеологически связанъ съ атеизмомъ.

Нынѣ атеистическая сущность, скрывавшаяся въ историческомъ матеріализмѣ, сбросила съ себя, какъ волкъ въ сказкѣ, прикрывавшую ее до поры - до времени, для отвода глазъ, овечью шкуру эмпирической науки: атеистическое міровоззрѣніе свершаетъ въ Россіи свое историческое торжество; госу-

---

¹⁾ „Воинствующій экономизмъ“, какъ инстинктивно-стихійное начало человѣческаго бытія существовалъ и существуетъ, конечно, вездѣ и повсюду. Существовало, что въ новой Европѣ этотъ принципъ возведенъ въ идеологическое начало.

дарственная власть въ рукахъ атеистовъ и стала орудіемъ атеистической проповѣди. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса объ „исторической отвѣтственности“ за происшедшее въ Россіи и ни съ кого не желая снимать ответственности — евразійцы въ то же время понимаютъ, что сущность, которая Россіей, въ силу восприимчивости и возбужденности ея духовнаго бытія, была воспринята и послѣдовательно проведена въ жизнь — въ своемъ истокѣ, духовномъ происхожденіи не есть сущность русская. Коммунистическій шабашъ наступилъ въ Россіи, какъ завершеніе болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго періода „европеизаціи“. Признать, что духовная сущность государственно-господствующаго въ Россіи коммунизма есть особымъ образомъ отраженная идеологическая сущность европейскихъ „новыхъ вѣковъ“ — это значить сдѣлать констатированье, эмпирически обоснованное въ высокой мѣрѣ (здѣсь нужно учесть: происхожденіе російскаго атеизма отъ идей европейскаго „просвѣщенія“; заносъ социалистическихъ идей въ Россію съ Запада; связь русской коммунистической „методологіи“ съ идеями французскихъ синдикалистовъ; значеніе и „культъ“ Маркса въ коммунистической Россіи). Но увидавъ идеологическую сущность европейскихъ „новыхъ вѣковъ“ въ подобномъ доведенномъ до логическаго завершенія видѣ, — русскіе, не принявшіе коммунизма и въ то же время не утратившіе способности мыслить послѣдовательно, не могутъ вернуться къ основамъ новѣйшей „европейской“ идеологіи.

Изъ опыта коммунистической революціи вытекаетъ для сознанія евразійцевъ — нѣкоторая истина, одновременно старая и новая: здоровое социальное общежитіе можетъ быть основано только на неразрывной связи человѣка съ Богомъ, религіей; безрелигіозное общежитіе, безрелигіозная государственность должны быть отвергнуты; это отверженіе ничего не предрѣшаетъ относительно конкретныхъ конституціонно-правовыхъ формъ; въ качествѣ такой формы, въ представленіи евразійцевъ, можетъ существовать безвредно, въ извѣстныхъ условіяхъ, напр., и „отдѣленіе церкви отъ государства“. Но въ существѣ, опять таки высоко знаменательно, что первое, быть можетъ, въ міровой исторіи правленіе послѣдовательно-атеистической и превратившей атеизмъ въ официальное исповѣданіе коммунистической власти — оказалось „о р г а н и-

з о в а н н о й м у к о й“), по пророческому слову глубочайшаго русского философа второй половины XIX вѣка — Леонтьева, системой потрясенія и разрушенія „общаго блага“ (во имя котораго яко-бы водворялась коммунистическая власть) и такого надругательства надъ человѣческой личностью, что блѣднѣютъ всѣ образы и безсильны всѣ слова — въ изображеніи страшной, небывалой, кощунственно-звѣрской реальности. И повторяемъ: то обстоятельство, что владычество первой послѣдовательно-атеистической власти оказалось владычествомъ звѣроподобныхъ — отнюдь не случайно. Историческій матеріализмъ и дополняющій его атеизмъ снимаютъ узду и лишаютъ [сдержки первоначально животные (и въ томъ числѣ первоначально-экономическіе, сводящіеся къ грабительскимъ) человѣческіе инстинкты. Основной опредѣляющей силой соціального бытія, въ условіяхъ идейнаго господства матеріализма и атеизма, оказывается ненависть, и приносить плоды ея достойные: мученіе въ сѣмѣ; а рано или поздно не можетъ не принести и послѣдняго плода: мученія мучителямъ.

Россія осуществила торжество историческаго матеріализма и атеизма; но тѣ закономерности, которыя проявились на ходѣ ея революціи, касаются далеко не ея одной. Культъ первоначально экономического интереса и всяческой животной первоначальности обильнымъ всходомъ проросъ въ сознаніи народовъ также и внѣ предѣловъ Россіи; также и внѣ предѣловъ ея онъ не можетъ являться основой длительного и благополучнаго общежитія. Разрушительныя силы, накаплиющіяся въ этихъ условіяхъ — рано или поздно одолѣютъ и здѣсь силу соціального созиданія. Проблему нужно ставить во всей ея глубинѣ и ширинѣ. Напору материалистическихъ и атеистическихъ возрѣній нужно противопоставить идейную сущность, преисполненную драгоцѣннаго полноцѣснаго содержанія... Здѣсь не можетъ быть колебаній. Съ еще неслышанной прямою и непреклонною рѣшимостью — на широчайшемъ фронтѣ и вездѣ — необходимо начать и вести борьбу со всѣмъ, что хотя бы въ малѣйшей степени связано съ матеріализмомъ и атеизмомъ. Зло нужно прослѣживать до корней; нужно, въ буквальномъ смыслѣ, и скоренять его. Было бы поверхностной и безсильной попыткой бороться только съ наиболѣе рѣзкими проявленіями историческаго матеріализма и атеизма и съ однимъ коммунизмомъ. Проблема поставляется

существеннѣе и глубже. Нужно объявить войну „воинствующему экономизму“, въ чемъ бы и гдѣ бы онъ ни проявлялся... Во имя религіознаго міровоззрѣнія нужно собирать силы; съ горячимъ чувствомъ, ясной мыслью и полнотою пониманья борствовать противъ специфическаго духа новой Европы... Поскольку эта послѣдняя дошла до того историческаго и идеологическаго предѣла, на которомъ находится нынѣ, съ большимъ вѣроятіемъ можно утверждать, что въ какой-то срокъ будущаго произойдетъ одно изъ двухъ: или культурная среда новой Европы погибнетъ и разсѣется, какъ дымъ, въ мучительно-трагическихъ потрясеніяхъ, или та „критическая“, по терминологіи сенъ-симонистовъ, эпоха, которая началась въ Западной Европѣ съ исходомъ среднихъ вѣковъ, должна прійти къ концу и смѣниться эпохой „органической“, „эпохой вѣры“. Нельзя сверхъ извѣстной мѣры попираить безнаказанно древнюю мудрость: ибо въ ней правда; не на основѣ возведенія въ высшій принципъ первоначально себялюбивыхъ человѣческихъ инстинктовъ, преподаннаго въ философіи „воинствующаго экономизма“, — но на основѣ просвѣтленнаго религіознымъ чувствомъ обузданія и сдерживанія этихъ инстинктовъ достижима высшая осуществимая на землѣ мѣра „общаго блага“. Общество, которое поддастся исключительной заботѣ о земныхъ благахъ, рано или поздно лишится и ихъ, таковъ страшный урокъ, просвѣчивающій изъ опыта русской революціи...

Евразійцы пытаются до конца и всецѣло уяснить и осознать этотъ опытъ; вывести изъ него всѣ поученія, которыя изъ него вытекають; и быть, въ этомъ дѣлѣ, безстрашными; въ отличіе отъ тѣхъ, кто въ смятеніи и робости отшатнулся отъ звѣринаго образа коммунизма, но не можетъ отказаться отъ того, что составляетъ основу или корень коммунизма; кто взявшись за плугъ глядитъ вспять; кто новое вино пытается влить въ мѣха старые; кто, увидавъ новую истину отвратности коммунизма, не въ силахъ отречься отъ старой мерзости „воинствующаго экономизма“, въ какія бы формы ни облакался послѣдній...

Личной вѣры недостаточно. Вѣрующая личность должна быть соборна.

Евразійцы — православные люди. И Православная Церковь есть тотъ свѣтильникъ, который имъ свѣтитъ; къ Ней, къ Ея Дарамъ и Ея Благодати зовутъ они своихъ соотечест-

венниковъ; и не смущаетъ ихъ страшная смута, по наущенію атеистовъ и богоборцевъ, подымавшаяся въ нѣдрахъ Православной Церкви Россійской. Вѣрятъ они, что хватить духовныхъ силъ и что боренье ведетъ къ просвѣтленію...

Православная Церковь есть осуществленіе высшей свободы; ея начало — с о г л а с і е; въ противоположность началу в л а с т и, господствующему въ отдѣлившейся отъ Нея Римской Церкви. И кажется еврайцамъ: въ суровыхъ дѣлахъ мірскихъ не обойтись безъ суровой власти; но въ дѣлахъ духовно-церковныхъ — только благодатная свобода и согласіе суть благие руководители. „Европа“ же, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, въ дѣлахъ мірскихъ разрушаетъ дѣйственность власти, и въ дѣлахъ церковныхъ вводитъ тираническую власть...

Церковь Православная долгіе вѣка свѣтила только тѣмъ народамъ, которые остались Ей вѣрны; свѣтила истинами своего вѣроученія и подвигами своихъ подвижниковъ. Нынѣ, быть можетъ, наступаютъ иные сроки: современная Церковь Православная, продолжая преемство древней Церкви Восточной, получила отъ нея, какъ основное начало своего бытія, полную неподвзятость въ подходѣ къ формамъ экономическаго быта (столь противоположную пріемамъ Западной Церкви, долгіе вѣка боровшейся, напр., противъ взиманія заемнаго процента¹⁾) и къ достижениямъ человѣческой мысли. И потому, быть можетъ, именно Церковь Православная въ наибольшей мѣрѣ призвана, въ рамкахъ новой религіозной эпохи, осѣнить своимъ покровомъ достижения новѣйшей хозяйственной техники и науки, очистивъ ихъ отъ идеологическихъ „надстроекъ“ „воинствующаго экономизма“, матеріализма и атеизма; какъ въ свое время, въ эпоху Константина, Θεодосіевъ, Юстиніана, древняя Церковь Восточная умѣла осѣнять, въ рамкахъ подлинной и вдохновенной „эпохи вѣры“, весьма сложный и развитой экономическій бытъ и значительную свободу богословски-философствующаго мышленья... Въ современной хозяйственной

---

¹⁾ Церковь Восточная, отклоняя на Никейскомъ Соборѣ 325 года предположеніе объ изданіи запрета заемнаго процента, тѣмъ самымъ признала властное вмѣшательство въ экономическую жизнь не приличествующимъ Церкви. На этомъ положеніи Церковь Восточная стояла во всѣ послѣдующіе вѣка, стоитъ и нынѣ... Практика Западной Церкви была иною. Въ ней запретъ взиманія заемнаго процента держался тысячелѣтіе, и еще, напр., Тюрго въ XVIII в. былъ принужденъ считаться съ нимъ, какъ съ жизненной реальностью.

техникъ и эмпирической наукѣ, каково бы ни было ихъ существованіе, нѣтъ ничего, что исключало бы возможность ихъ существованья и процвѣтанья въ нѣдрахъ новой „эпохи вѣры“. Сочетаніе современной техники и науки съ идеологіей „воинствующаго экономизма“ и атеизма вовсе не обязательно и не неизбѣжно.

Съ религіозной точки зрѣнія хозяйственная техника, каковы бы ни были предѣлы ея возможностей, есть средство къ осуществленію Завѣта, вложеннаго Творцомъ въ созданіе человѣческаго рода: „и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными, и надъ скотомъ, и надъ всею землею...“ Эмпирическая же наука, съ религіозной точки зрѣнія, есть раскрытіе картины Божьяго міра, по мѣрѣ успѣховъ знанія все болѣе совершенное и полное и все яснѣй обнаруживающее Премудрость Творца...

4

Евразійство есть не только система исторіософскихъ или иныхъ теоретическихъ ученій. Оно стремится сочетать мысль съ дѣйствиємъ; и въ своемъ предѣлѣ приводитъ къ утвержденію, наряду съ системой теоретическихъ воззрѣній, определенной методологіи дѣйствія. Основная проблема, которая въ этомъ отношеніи стоитъ передъ евразійствомъ, есть проблема сочетанія религіознаго отношенія къ жизни и міру съ величайшей, эмпирически обоснованной практичностью. Постановка этой проблемы обоснована всѣмъ характеромъ евразійства. Евразійцы суть одновременно: отстаиватели религіознаго начала — и послѣдовательные эмпирики. Изъ фактовъ рождается ихъ идеологія; своей характеристикой россійскаго міра, какъ „евразійскаго“, они какъ бы прилегаютъ всѣмъ тѣломъ къ каждой пяди родной земли, къ каждому отрѣзку исторіи этого міра... Но не достаточно понимать факты, ими необходимо управлять въ пластическомъ процессѣ исторіи. Поскольку люди, ощущающіе міръ религіозно, подходятъ къ этой задачѣ, передъ ними — во всей своей обнаженно-наглядной и въ то же время мистически-потрясающей реальности встаетъ проблема зла. Евразійцы въ предѣльной степени ощущаютъ реальность зла въ мірѣ — въ себѣ, въ другихъ, въ частной и соціальной жизни. Они менѣе всего утописты. И въ сознаніи грѣховной повре-

жденности и проистекающаго отсюда эмпирическаго несовершенства человѣческой природы, они ни въ коемъ случаѣ не согласны строить свои расчеты на посылкѣ „доброты“ человѣческой природы. И разъ это такъ, задача дѣйствія „въ міру“ встаетъ какъ задача трагическая — ибо „міръ во злѣ лежитъ“. Трагизмъ этой задачи неизбывенъ; и единственно къ чему стремятся евразійцы, это — въ ладѣ своихъ мыслей и дѣйствій быть на высотѣ этого трагизма. И твердое философское убѣжденіе, и мы сказали бы — сама природа русскаго историческаго и національнаго характера, въ которомъ соучаствуютъ евразійцы, исключаетъ возможность сентиментальнаго отношенія къ этой задачѣ. Сознаніе грѣховности міра не только не исключаетъ, но требуетъ смѣлости въ эмпирическихъ рѣшеніяхъ. Никакая цѣль не оправдываетъ средства. И грѣхъ всегда остается грѣхомъ. Но дѣйствуя „въ міру“ нельзя его утрашить. И бывають случаи, когда нужно брать на себя его бремя; ибо бездѣйственная „святость“ была бы еще большимъ грѣхомъ...

Въ практической области для евразійцевъ снята самая проблема „правыхъ“ и „лѣвыхъ“ политическихъ и соціальныхъ рѣшеній. Это подраздѣленіе неотразимо значимо для тѣхъ, кто даже въ своихъ конечныхъ цѣляхъ держится единственно за ограниченныя реальности человѣческаго существованія, кто весь съ головой ушелъ въ понятія и факты политическаго и хозяйственнаго прикладничества. Кто такъ относится къ этимъ вопросамъ, для того и нѣтъ иныхъ цѣнностей, кромѣ конкретныхъ политическихъ и соціальныхъ рѣшеній, „лѣвыхъ“ или „правыхъ“, по принадлежности; и за каждое такое рѣшеніе каждый такой человѣкъ долженъ стоять неуклонно и „съ остервенѣніемъ“ — ибо внѣ такихъ рѣшеній для него нѣтъ никакихъ цѣнностей и отъ него самого, какъ величины духовной, ничего не остается. И если разъ принятое политическое и экономическое направленіе окажется не отвѣчающимъ требованіямъ жизни и не практичнымъ, то послѣдовательный человѣкъ все-таки будетъ за него держаться, ибо это направленіе — уже онъ самъ. Не таково отношеніе къ практическимъ рѣшеніямъ евразійца. Для него существененъ религиозный упоръ, который обрѣтается внѣ сферы политической и экономической эмпирики. Поскольку рѣшенія этой послѣдней сферы допускають религиозную оцѣнку, хорошимъ можетъ быть въ отдѣльныхъ случа-

яхъ и „правое“ и „лѣвое“ рѣшеніе, такъ же, какъ и плохимъ, можетъ быть и то, и другое... Большое же число прикладническихкихъ рѣшеній безразлично съ точки зрѣнія религиозной. Понимая всю важность политическаго и хозяйственнаго прикладничества и въ то же время не въ немъ полагая верховныя цѣнности, евразійцы могутъ отнестись ко всей религиозно безразличной сферѣ прикладничества съ непредубѣжденностью и свободой, недоступною для людей иного міровоззрѣнія. Въ практическихъ рѣшеніяхъ требованія жизни — внѣ всякой предубѣжденности — являются для евразійца руководящимъ началомъ. И потому въ однихъ рѣшеніяхъ евразіецъ можетъ быть радикальнѣе самыхъ радикальныхъ, будучи въ другихъ консервативнѣе самыхъ консервативныхъ. Евразійцу органически присуще историческое воспріятіе; и неотъемлемой частью его міровоззрѣнія является чувство продолженія исторической традиціи. Но это чувство не перерождается въ шаблонъ. Никакой шаблонъ не связываетъ евразійца; и одно лишь существо дѣла, при полномъ пониманіи исторической природы явленій, просвѣчиваетъ ему изъ глубины каждой проблемы...

Нынѣшняя русская дѣйствительность, болѣе чѣмъ какая либо другая, требуетъ такого отношенія „по существу“. Отношеніе евразійцевъ къ духовному началу революціи выражено въ предыдущемъ. Но въ своемъ матеріально-эмпирическомъ обликѣ, въ созданномъ ею соотношеніи политической силы отдѣльныхъ группъ, въ новомъ имущественномъ распредѣленіи она должна, въ значительной своей части, разсматриваться какъ неустрашимый „геологическій“ фактъ. Признать это вынуждаетъ чувство реальности и элементарное государственное чутье. Изъ всѣхъ дѣйственныхъ группъ не-„революціоннаго“ духа евразійцы, быть можетъ, дальше всѣхъ могутъ пойти по пути радикальнаго и объемлющаго признанія факта. Факты политическаго вліянія и имущественнаго распредѣленія, которыхъ въ данномъ случаѣ касается дѣло, не имѣютъ для евразійцевъ первостепеннаго самоначальнаго значенія, являясь для нихъ цѣнностями вторичными. Это облегчаетъ для евразійцевъ задачу признанія факта. Но фактъ во многихъ случаяхъ исходитъ изъ мерзости и преступленія. Въ этомъ тяжесть проблемы. Но разъ мерзости и преступленію дано было, по Волѣ Божьей, превратиться въ объективный историческій фактъ, —

нужно считать, что признаніе этого факта не противорѣчитъ Волѣ Божьей. Какая-то мѣра прямого факта поклонства лежитъ въ эмпирическихъ необходимостяхъ эпохъ, которымъ предстоитъ найти выходъ изъ революціи. Въ планѣ религіозномъ эту необходимость фактопоклонства можно приравнять искушенію, черезъ которое надлежитъ пройти, не соблазнившись: воздать кесарево кесарю (т. е. учесть всѣ эмпирическія политико-хозяйственныя требованія эпохи), не отдавъ и не повредивъ Божьяго. Съ точки зрѣнія евразійцевъ задача заключается въ томъ, чтобы мерзость и преступленіе искупить и преобразить созданіемъ новой религіозной эпохи, которая грѣховное, темное и страшное переплавилъ бы въ источающее свѣтъ. А это возможно не въ порядкѣ діалектическаго раскрытія исторіи, которая механически, „по марксистски“, превращала бы все „злое“ въ „доброе“, а въ процессъ внутренняго накопленія нравственной силы, для которой даже и необходимость фактопоклонства не была бы одолювающимъ соблазномъ.

Петръ Савицкій